

ЦЕЙЛОН

С ПОВЫШЕННЫМ РИСКОМ
ДЛЯ ШПИОНОВ

РОМАН

РЕН БЕЛЛАРТ

Рен Белларт

**Цейлон с повышенным
риском для шпионов**

«Автор»

2026

Белларт Р.

Цейлон с повышенным риском для шпионов / Р. Белларт —
«Автор», 2026

Он прилетел на экзотический Цейлон, уверенный, что оставил прошлое позади. Но вскоре выяснилось, что прошлое о нём не забыло. Немецкий программист Томас Бергер рассчитывает провести несколько спокойных месяцев на побережье Индийского океана. Однако остров, который кажется раем, оказывается территорией скрытого противостояния теневых игроков. События начинают складываться в цепочку, из которой невозможно выйти. Томас оказывается втянут в игру, смысл которой ему пока недоступен. Но чем глубже он погружается в происходящее, тем очевиднее становится: его появление на Цейлоне не было случайностью.

Содержание

Глава 1. Стратегия времён холодной войны	6
Глава 2. Скромная жизнь с открытыми дверями	8
Глава 3. Мутный бассейн и сюрприз из прошлого	12
Глава 4. Силовая версия порядка	14
Глава 5. Шампанское, любовь и дипломатия	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Рен Белларт

Цейлон с повышенным риском для шпионов

Об авторе

Рен Белларт – писатель и художник с философским складом мышления. Сочетание, которое редко укладывается в рамки строгого рабочего расписания, зато наделяет своего обладателя особенно чутким взглядом на структуры, скрытые за фасадом видимой реальности, и способностью к точным, порой ироничным наблюдениям за людьми и их странностями. Пройдя через множество этапов карьеры на ответственных управленческих позициях в крупных корпорациях, он сегодня смотрит на механизмы власти и организации с трезвым спокойствием человека, которому уже нечему удивляться, и с лёгкой усмешкой того, кто всё это хорошо понял. Его разностороннее творчество включает не только романы, но и детские книги, в которых сложные темы обретают удивительную ясность благодаря лёгкости изложения и остроте мысли.

Глава 1. Стратегия времён холодной войны

Южный город утопал в ночи. В кабинете медленно вращался вентилятор, гоня тяжёлый влажный воздух, от чего не становилось легче. Где-то внизу хлопнула дверь, затем послышались приглушённые голоса. За окном город жил своей скрытой жизнью и мерцал далёкими огнями.

Владимир Моисеевич, седой, в очках с толстыми линзами, закурил сигару и подошёл к окну. Он опёрся на подоконник и на мгновение замолчал, словно собирая мысли.

За столом сидела Лена, новая сотрудница посольства. Она держала блокнот на коленях и делала пометки, аккуратно и неторопливо. В её движениях чувствовалась лёгкость, а в сосредоточенности было что-то притягательное.

– Цейлон – это сложная политическая история, – сказал он хрипловатым голосом.

– В семьдесят первом вспыхнуло маоистское восстание. СССР тогда поддержал Цейлон. Остров сблизился с Москвой и Пекином, брал у нас оружие, специалистов.

Мы строили здесь заводы, электростанции, входили основательно и надолго. Тогда казалось, что остров может стать нашим устойчивым пунктом в Индийском океане.

Лена внимательно слушала.

В этот момент экран её телефона коротко вспыхнул. Она мельком посмотрела на сообщение, тут же заблокировала экран и положила аппарат рядом, словно ничего не произошло. Моисеевич это заметил, но не подал вида. Он сделал затяжку и медленно выпустил дым.

– Но рядом уже действовали другие силы. Американцы не утруждали себя дипломатическими условностями и работали жёстко через ЦРУ, наращивая участие и влияние. Индия тоже не оставалась в стороне, внимательно следила за каждым шагом и всё чаще вмешивалась, защищая собственные интересы в регионе. Каждый считал и до сих пор считает этот участок океана своей зоной интересов.

В коридоре послышались шаги, затем стихли. Моисеевич понизил голос. Лена подняла глаза от блокнота.

– А сейчас ситуация понятнее, но сложнее? – спросила она тихо. В голосе слышалось не только любопытство, но и юношеский вызов.

Владимир Моисеевич посмотрел на неё, затем снова перевёл взгляд к тёмному окну.

– Конечно. Времена меняются, но и для нынешней России этот остров по-прежнему остаётся слишком важным. Морские пути, проливы, движение грузов. Кто удерживает Цейлон, тот получает влияние на весь регион. Индия это понимала тогда и понимает сейчас. Американцы тоже никуда не исчезли и продолжают работать здесь последовательно и настойчиво.

А в последние годы к ним добавился Китай. Для него этот путь имеет особое значение. У Пекина не так много направлений, по которым можно беспрепятственно вести грузы, и потому он шаг за шагом выстраивает свои маршруты, соединяя порты, дороги и проливы в единую цепь.

Он затушил сигару и несколько раз постучал пальцами по подоконнику.

– Помню, в восьмидесятых началась война с тамильскими Тиграми. Москва действовала осторожнее, люди работали под прикрытием миссий и представительств. Тогда у меня было много работы, – сказал он уже спокойнее, будто между прочим.

– Я был вовлечён во всё это куда глубже, чем могло показаться со стороны. И, надо признать, в те годы многое решалось именно через меня. В определённых структурах это заметили, и с тех пор я там оказался не на последнем счёту.

Лена снова опустила взгляд в блокнот, но уголки её губ тронула едва заметная улыбка, словно услышанное не только настораживало, но и притягивало.

– И у нас здесь до сих пор свои люди, – продолжил он. – Некоторые работают давно, другие появились позже. Советники, инженеры, журналисты.

Он наклонился чуть ближе и понизил голос.

– Сейчас у нас здесь одно дело. Очень тонкое. Ошибаться нельзя, – сказал он твёрдо. – Иначе океан быстро окажется под чужим флагом.

Он прервал речь и только после этого продолжил, уже другим тоном, менее официальным.

– Я не случайно говорю тебе это сейчас. Вещи подобного рода не обсуждают с кем попало. Обычно я делаю это только тогда, когда вижу в человеке нечто большее, чем просто аккуратного исполнителя.

Лена поймала себя на том, что сжала карандаш чуть сильнее, чем нужно. Моисеевич не спешил продолжать, позволяя словам осесть.

– В подобных историях всегда есть те, кто просто присутствует, и те, кто понимают свой шанс. Поэтому я предпочитаю заранее знать, кто рядом и на кого можно опереться, когда ставки становятся высокими.

Лена закрыла блокнот.

– И что от меня требуется?

Он посмотрел на неё долгим взглядом, словно окончательно принимая решение.

Глава 2. Скромная жизнь с открытыми дверями

Меня зовут Томас Бергер. За тридцать я уже перевалил давно и признаюсь, что за эти годы довелось повидать многое – и хорошее, и такое, о чём лучше бы забыть.

Будучи прирождённым баварцем, духа я никогда не терял. Впрочем, у нас это считается скорее привычкой, чем добродетелью: что бы ни происходило, нужно уметь улыбнуться и двигаться дальше.

Сию я в аэропорту Амстердама и жду самолёта на Шри-Ланку, в Коломбо. Как ни странно, этот суетливый Амстердам на какое-то время стал моим убежищем. Проклятый Covid уже отбушевал по планете, но многие по-прежнему ходили в масках.

До этого я занимался разными сделками в промышленной отрасли. Всё выглядело многообещающе, пока не случилась неприятная история, и я вляпался в опасные игры, о которых стоит когда-нибудь рассказать отдельно. Упомяну лишь, что я выбрался из этой ситуации живым, спасаясь бегством в Амстердам, и потерял все свои сбережения. Так что пришлось начинать всё с нуля, с чистого листа.

Я решил начать жизнь заново. В Голландии я закончил курсы и переучился из инженера в программиста. Этого оказалось достаточно, чтобы начать работать в новой сфере и считать смену профессии завершённой, и теперь имел право называть себя IT-специалистом. Теперь я новоиспечённый айтишник, летящий на Шри-Ланку.

Планы мои были просты. На пару месяцев обосноваться на острове. Причина выбора сугубо практическая: разница во времени с Европой невелика, а клиенты мои жили главным образом на Западе. С Цейлона работать удобно: и экзотика, и связь без задержек.

Я радовался своей новой жизни. Удалось найти подходящее жильё – дом в колониальном стиле, прямо на берегу океана, между городами Мирисса и Галле. Стоил он пятьсот евро в месяц. В придачу имелись сад, небольшой бассейн, а также садовник с домработницей – их услуги тянули ещё на сотню. Всё вместе выходило шестьсот евро. Мой бюджет это выдерживал с лёгкостью, и, глядя на фотографии, я безоговорочно влюбился в эту виллу.

До Коломбо долетел я быстро. Была одна пересадка, и вскоре самолёт коснулся посадочной полосы в аэропорту неподалёку от города. В зале ожидания меня встретил водитель с табличкой: Berger, Thomas. Его прислала гостиница, где я собирался заночевать перед началом всех своих дел.

Утром, проснувшись, я вышел на балкон. Вид был на море, пусть и не совсем близкое, но всё равно осязаемое, с лёгкой дымкой над горизонтом. Обоняние приятно уловило запахи. Жжёные листья, пряные специи, тяжёлый влажный воздух. Этот аромат тропиков невозможно описать, но легко узнать: он навсегда вонзается в память.

Взору открывались пейзажи, каких не встретишь в Европе. Деревья-великаны с плотными кронами, стройные кокосовые пальмы, бесконечные заросли. Среди зелени терялись маленькие домики. По проводам бегали мелкие полосатые белки, по пальмам прыгали обезьяны. В небе мелькали попугаи всех возможных цветов. Всё это напоминало иной мир, куда я словно перенёсся из привычной реальности.

И, конечно, звуки. Прежде всего цикады: их протяжное стрекотание завораживало и действовало почти гипнотически. К этому добавлялись голоса птиц: одни незнакомые, другие удивительно родные, как будто услышанные когда-то в детстве. Порой казалось, что поёт целый оркестр.

Все вместе запахи, картины и звуки создавали такую атмосферу блаженства, что я почувствовал почти физический восторг от самого факта пребывания здесь. Я понял: я снова оказался в одном из земных раёв.

В реальность из грёз я спустился окончательно, когда вышел из ресепшена и оказался на дороге. Сознание вернули таксисты. Это особая категория людей. Они свистят, сигналият, подмигивают, выкрикивают своё неизменное «тук-тук, тук-тук».

Тук-тук – так здесь называют трёхколёсные моторные повозки, что-то среднее между мотоциклом и жестяной будкой с крышей, служащие местным такси. Они дребезжат, дымят и ползут по дороге с упрямой неторопливостью, но именно на них держится весь уличный транспорт острова.

Первые десять минут это повышенное внимание извозчиков ещё может показаться забавным. Оно даже льстит, особенно после стерильных европейских улиц. Но очень скоро улыбки теряют обаяние, а их приставание начинает давить.

Они свистят, кричат, размахивают руками, сигналият, подъезжают вплотную и снова уезжают, чтобы через несколько шагов вернуться. Каждый считает своим долгом предложить услугу ещё раз, громче и настойчивее предыдущего. Ты не успеваешь сделать и десятка шагов, как кто-то снова подсовывает лицо, машет ладонью или выкрикивает своё неизменное «тук-тук».

Через какое-то время это перестаёт быть частью экзотики и превращается в фоновый шум, от которого невозможно укрыться. И тогда мысль об оружии массового поражения начинает казаться не такой уж абсурдной.

Стоит им заметить белого человека на улице, как они тут же решают: он обязан куда-то ехать – и непременно с ними. Что европеец вполне может пройти пешком к морю, даже если это всего сто метров, в их картину мира не укладывается. Поэтому каждые две минуты кто-нибудь из них вновь и вновь предлагает свои услуги, настойчиво и безнадежно.

Но по дороге к морю я заметил и другую особенность. Дело было не только в назойливых таксистах. Каждый встречный житель Шри-Ланки непременно смотрел в глаза, улыбался и здоровался. Зачастую следовал вопрос: *Where are you from?* Или *How are you?*

Одна женщина и вовсе остановила меня и неожиданно спросила: *Are you happy?* – счастливы ли вы.

Я растерялся. Такого вопроса от случайного прохожего я, признаться, ещё не слышал. В Европе люди стараются не смотреть друг другу в глаза, а уж тем более не задают вопросов, на которые и самому себе не всегда готов ответить.

Здесь всё было иначе. Люди улыбались легко и открыто, словно не видели причин для сдержанности. Их улыбки не требовали ответа и ничего не обещали, они просто существовали. Белые, ровные зубы сверкали на солнце так, что невольно хотелось улыбнуться в ответ – не из вежливости, а потому что иначе было странно.

Со временем до меня дошло, что это не любопытство и не наигранная приветливость. Им действительно было важно, как ты себя чувствуешь. Не потому, что ты иностранец, а потому, что ты здесь, на этой дороге. Вопрос о счастье звучал так же естественно, как приветствие, и в этом не было ни вторжения, ни подвоха.

Улыбка, лёгкий кивок, иногда сложенные у груди ладони и тихое слово, смысл которого я понял не сразу. Айубован. Пожелание долгой жизни, сказанное мимоходом, как нечто само собой разумеющееся. Как оказалось, для них гостеприимство не связано с деньгами или ожиданиями.

День уже вступал в свои права, хотя солнце ещё не стояло высоко. Шагая дальше в сторону океана, я не спеша осматривал местность. По обе стороны дороги тянулись гостиницы и жилые дома. Попадались и фешенебельные отели, и более простые строения, но всё вокруг было окрашено в яркие, живые цвета и выглядело лёгким и жизнерадостным.

По дороге попадались небольшие кафе. Они ещё только просыпались, изнутри доносился запах специй и чего-то сладкого. Музыка играла негромко: иногда это был регги, иногда просто ленивый ритм, который лишь задавал темп шагам. Казалось, здесь никто никуда не спешит.

На тротуаре встречались люди, лежащие у обочин. Кто-то спал прямо на земле, подложив под голову кусок картона или старую сумку. Кто-то сидел, прислонившись к стене, глядя перед собой. Старушки без зубов, обветренные пожилые мужчины, матери с детьми, которые держались рядом и мило улыбались сопливыми мордашками.

Они не выглядели отчаявшимися. Иногда кто-то поднимал глаза и улыбался. Иногда протягивал руку. Я доставал мелочь и отдавал, не задумываясь. Монеты исчезали из кармана быстрее, чем я ожидал. В какой-то момент стало ясно, что они закончились, и почувствовал странное смущение, будто подвёл кого-то.

Океан произвёл скорее посредственное впечатление. Берег оказался шумным и замусоренным, с рыбацкими лодками у воды и мутным прибоем, где купаться было почти невозможно. Немного побродив по берегу, я почувствовал голод и зашёл в первую попавшуюся кафе у побережья, с видом на море.

Меню выглядело загадочно: названия блюд ничего мне не говорили. На всякий случай я заказал всего понемногу – какой-то суп, сок и что-то, напоминающее бургер. Я решил позавтракать основательно: день предстоял длинный.

Еды принесли немало. Половину я оставил нетронутой: одно блюдо оказалось чем-то вроде каши, другое – острым до горечи. Много готовилось в сладко-солёных соусах, что моему европейскому вкусу никак не подходило. Но были и удачные варианты, так что завтрак в целом удался.

Расплатившись картой и оставив около десяти евро, включая чаевые, я вышел на улицу. По европейским меркам – сущая мелочь. Пора было искать транспорт и отправляться в МириССу, город, где находилась моя будущая вилла.

Вещей у меня было немного. Один рюкзак, половину которого занимал ноутбук. Остальное – несколько маек и пара сменного белья. Всё прочее было на мне: лёгкие шорты, удобная обувь и рубашка. Образ жизни я вёл спартанский, так что собраться было несложно.

Автовокзал я нашёл быстро и там же договорился с водителем автобуса до МириССы. Сам автобус по местным меркам считался шикарным. Это был не просто транспорт, а передвижная дискотека. Снаружи он блестел свежей краской, весь расписанный узорами и надписями. Внутри гремела музыка, мигали лампы, и пассажиры время от времени начинали подпевать, будто дорога была продолжением праздника.

На каждой остановке в салон заходили торговцы и сразу начинали горланить и петь. Орешки, пирожки, напитки предлагались громко, настойчиво и без пауз – то на местном языке, то на английском, особенно если взгляд цеплялся за иностранца. Кто-то протискивался по проходу или тянул товар через головы. Поездка постепенно превращалась в небольшой аттракцион, и всё это удовольствие стоило три евро за двести километров пути. По европейским меркам цена была почти смешной.

Кондуктор усадил меня впереди, на почётное место. Там же, рядом, уже сидел буддийский монах. Настоящий, без всяких сомнений: наголо обритый, в оранжевой накидке, спокойный и сосредоточенный. Монахов здесь почитают особо. Для них всегда оставляют места впереди. Я поймал себя на мысли, что теперь стараюсь сидеть ровнее и не делать лишних движений, чтобы не нарушить возникшее равновесие. Раз уж меня посадили рядом с монахом, значит, от меня ожидали соответствия. Я не стал их разочаровывать.

Это уважение сопровождало нас всю дорогу, и временами мне казалось, что я получил временный абонемент на чужое благочестие.

Двери, разумеется, в этом шумном диско-зале на колёсах никто и не собирался закрывать. В такую жару это было бы странно, да и скорость у нас была скромная – около двадцати, максимум тридцати километров в час. Не потому, что дороги плохие, а потому что автобус останавливался каждые три или четыре километра и обязательно подбирал всех пассажиров, которые ждали его на обочине. Для этого достаточно было просто махнуть рукой.

Сам кондуктор был отдельным представлением. Он висел в открытых передних дверях с твёрдой решимостью акробата, затем в одно мгновение оказывался уже в другом конце салона. Он принимал пассажиров, передавал деньги, хватал на лету пакеты, что-то выкрикивал водителю и тут же возвращался обратно.

В какой-то момент он умудрялся купить пирожок у торговца, стоявшего прямо у обочины, пока автобус лишь притормаживал, и при этом не прекращал своей основной деятельности. Всё происходило одновременно и без малейшей паузы. Это действительно напоминало цирк.

На одной из многочисленных остановок кондуктор неожиданно купил связку бананов. Я подумал: зачем ему бананы? Но ответ выяснился через двадцать километров.

Автобус остановился у храма, посвящённого обезьянам. Дорога перед храмом оказалась полностью занята ими. Обезьяны сидели на камнях, на ступенях, прямо на проезжей части. Водители автобусов знали правило: проехать здесь можно только после жертвоприношения.

Наш кондуктор деловито вышел, раздал бананы нескольким жокакам, и зрелище стало напоминать сцену из гангстерского фильма. Обезьяны вели себя как мафиози. Когда обезьяны сочли плату достаточной, они неохотно расступились, будто делали одолжение. Только тогда дорога оказалась свободной, и автобус тронулся дальше.

В салоне играла индийская музыка – звонкая, бесконечная, динь-динь-динь. Некоторые женщины даже вставали, покачивали бёдрами и подпевали. Пассажиры ходили по проходу, разговаривали, знакомились.

Я довольно быстро понял простую вещь: появление белого человека на Цейлоне до сих пор воспринимается как событие. В автобусе на меня смотрели с откровенным любопытством и почти с уважением.

С одной стороны, это внимание даже льстило: в их поведении было что-то детское – непосредственность, простодушие. Казалось, что люди вокруг радуются моему присутствию так же искренне, как дети радуются новой игрушке.

И, конечно, не обошлось без угощений. Сложилось ощущение, что в автобусе существовало негласное правило: если рядом сидит иностранец, его обязательно надо накормить. Орешки, чипсы, какие-то сладости домашнего вида, происхождение которых лучше было не уточнять, начинали движение по салону. Всё это передавалось из рук в руки мимо меня, потом возвращалось обратно и в итоге оказывалось на моих коленях.

Отказываться было бесполезно и, судя по взглядам, даже неприлично. Европейская брезгливость в этот момент выглядела бы странным капризом, поэтому я решил, что если уж меня усыновили, то спорить с этим бессмысленно.

Потом автобус выехал на новенький автобан, построенный китайцами. Совершенно современная трасса, почти по-немецки: по три полосы в каждую сторону. Правда, скорость здесь ограничена сотней километров в час, но для местных условий это казалось роскошью.

Автобус ускорился, хотя двери по-прежнему оставались открытыми. За окнами поплыли зелёные холмы и рисовые поля, кое-где на обочинах попадались даже слоны или буйволы. Ветерок тянулся в салон, дорога была ровной, и ехать оказалось удивительно приятно.

Время пролетело незаметно – два, может быть, два с половиной часа. И вот я уже сидел в тук-туке, взятом на автовокзале в Мириссе. Он вёз меня к той самой вилле, которую я выбрал через интернет, будучи ещё в Амстердаме. Впереди ждала встреча с хозяином. Я предвкушал: совсем скоро смогу увидеть собственными глазами место, которое уже успел полюбить по фотографиям.

Глава 3. Мутный бассейн и сюрприз из прошлого

Вилла произвела на меня сильное впечатление. Я сразу оказался очарован, но вместе с тем почувствовал и лёгкое разочарование. Вода в бассейне выглядела так, словно её давно не меняли, и приобрела зеленоватый оттенок. Садовник, по всей видимости, уже некоторое время не получал жалование и чаевых, дорожки утонули в сухих листьях, а кусты разрослись без всякого контроля. Всё вокруг говорило о запустении, заметном даже при беглом взгляде. Было ясно, что усадьба пустует уже долгое время.

Зато сама вилла была настоящей находкой. Старая постройка, судя по всему, ещё времён британского присутствия на Цейлоне. Дом хранил в себе тяжёлое спокойствие прошлого. Внутри стояла массивная мебель из красного дерева, потемневшая от времени, с мягким, почти бархатным блеском.

Это был не стерильный отель, следы времени здесь не раздражали, наоборот, они придавали дому характер. Мы быстро договорились с хозяином. Я внёс залог за три месяца и подписал контракт сразу на полгода. Он передал мне ключи, записал номера персонала на клочке бумаги, вежливо улыбнулся и исчез так же быстро, как появился.

Вилла оказалась одноэтажной и просторной. Около шести просторных комнат, большие залы, залитые солнечным светом, спальни с резной деревянной мебелью, переходящие одна в другую. Комнаты были прибраны, постели застелены. Видно было, что к приезду иностранного жильца готовились и старались произвести впечатление.

Главным же оказалась уютная терраса, заставленная плетёной мебелью и удобно пристроенным кирпичным камином, служившим одновременно грилем, экзотический сад, в котором обитали цветные попугайчики, и большой овальный бассейн, выложенный мозаикой. Да, вода в нём была, к сожалению, мутной и требовала замены, да и узоры мозаики покрыл слой тины, но общая картина всё равно завораживала.

Дом стоял на небольшом холме, и прямо из бассейна открывался вид на океан. Между садом и пляжем тянулась лишь узкая полоса песка. Никакой дороги, никаких заборов, лишь стройные пальмы с висящими кокосовыми орехами под зелёной листвой. Сделай несколько шагов – и ты уже у воды.

С другой стороны участка проходила оживлённая дорога. Там я быстро нашёл прокат и взял себе небольшой мотороллер. Семь евро в день. Левостороннее движение меня не смущало, привык я быстро. Так у меня появилась мобильность и ощущение, что я действительно обосновался здесь всерьёз.

Мелочи я опушу. Благоустройство, знакомство с персоналом, подключение интернета. Всё это заняло несколько дней, и я быстро ощутил себя здесь очень уютно. Постепенно вилла начала преображаться. Садовник навёл порядок, домработница оказалась спокойной и аккуратной женщиной, которая без лишних слов привела быт в рабочее состояние. Дом ожил, приобрёл блеск и перестал казаться временным приютом.

Так прошёл месяц с небольшим. Я жил, наслаждаясь каждым днём. Купался ежедневно, подолгу лежал на песке, позволяя мыслям свободно блуждать, и лишь изредка прерывал эту беспечность небольшими проектами в области программирования – ровно настолько, чтобы обеспечить себе спокойную и самодостаточную финансовую устойчивость.

В один из приятных дней, когда утро ничем не отличалось от других, зазвонил телефон, не предвещая ничего хорошего.

На экране высветилось имя Владимира Моисеевича, влиятельного человека и крупного бизнесмена из Москвы.

Мы были давно знакомы по тем обстоятельствам, которые я предпочитал не вспоминать. В те годы он руководил заграничным филиалом крупного российского концерна и находился

слишком близко к государственным структурам, о которых не принято говорить детализированно. С такими людьми, если пересёкся однажды, выйти из их поля зрения бывает непросто.

В той истории, о которой я упоминал в начале своего рассказа, его имя фигурировало рядом с большими деньгами. Я получил от него тогда серьёзную помощь. Эмоционально это делало меня его должником, и ощущение долга все эти годы никуда не исчезало. Поэтому, когда он снова появился в моей жизни, я пришёл к осознанию того, что это был лишь вопрос времени.

Также следует добавить, что русский язык не был для меня чужим. Я изучал его ещё в университете, сначала из практического интереса, а затем всё глубже погружаясь в культуру, историю и саму логику мышления страны, которая всегда жила по собственным правилам. Позже, уже работая в немецкой корпорации, я много лет провёл в России, занимаясь её представительскими функциями, и за это время язык перестал быть инструментом, превратившись в рабочую среду. Я говорил свободно, почти без акцента, и это часто вводило людей в заблуждение, заставляя забывать, что по происхождению я из Западной Европы. Именно поэтому наш разговор не требовал переводчиков, хотя Моисеевич, будучи старым разведчиком, отлично владел как немецким, так и английским языками.

– Томас, рад слышать твой голос, – сказал он непринуждённо, будто мы расстались вчера. – Как тебе остров?

– Пока всё нравится, – ответил я растерянно, уже прикидывая про себя, откуда именно он знает, где я нахожусь, и чем для меня может обернуться этот разговор.

Он сообщил, что на Цейлоне у него есть дочерняя фирма. Формально она принадлежала ему, и номинально же им управлялась. Сейчас ему нужен был человек на месте.

– Мне нужен ты как аналитик и проверенный партнёр, – сказал он просто. – По условиям и финансам договоримся. Ты не пожалеешь.

Он умел формулировать просьбы так, что они звучали как распоряжения. В голосе всегда присутствовала мягкая, почти дружелюбная настойчивость, за которой скрывался расчёт.

Предложение мне категорически не понравилось.

Я приехал на остров ради другого. Купаться в океане, работать по несколько часов в день и остальное время жить без обязательств. Моих IT-проектов хватало, чтобы с лихвой оплачивать виллу и все расходы. Деньги же Владимира Моисеевича сулили многое, но отнимали главное – свободу.

После разговора я долго сидел на балконе. Смотрел на бассейн, на океан, на сад, который только начал обретать порядок. Дом молчал, будто духи его прежних жильцов наблюдали за мной. Одинокая обезьяна что-то лениво грызла, сидя на вершине пальмы.

Я понимал, что, согласившись, снова вляпаюсь в историю, которая потребует риска, нервов и неизвестно чего ещё. Я понимал и то, что отказаться я просто не могу по многим соображениям. Поэтому я был вынужден неохотно согласиться.

Через пару дней мне прислали чёрный седан с водителем, и когда машина тронулась, я оглянулся на свою виллу. Она осталась стоять на холме, спокойная и равнодушная к мирской суете. Сердце тоскливо сжалось.

Цель нашего пути находилась в глубине острова, вдали от побережья. Мы ехали всё дальше от океана, от привычного шума волн и солёного воздуха. Пальмы постепенно сменялись плотной зеленью, дорога поднималась вверх, и море осталось где-то позади.

Рай, как оказалось, был уготован не для меня и хорош только до тех пор, пока в него не возвращалось прошлое.

Глава 4. Силовая версия порядка

В офис дочерней фирмы Моисеевича я приехал утром. Здание выглядело неприметно. Тарас встретил меня у входа. Именно так он и представился – коротко, без фамилии и без пояснений. Уже позже я узнал, что это его кличка, а в паспорте он числится как Никита Воронов. Имя почти академическое, подходящее скорее преподавателю истории, чем человеку, от которого исходила сильная, необъяснимая опасность.

В нём чувствовалась жёсткая уверенность. Он держался буднично, но это спокойствие не располагало, а напрягало. Взгляд был прямым и тяжёлым. Рядом с ним человек невольно начинал сутулиться и осторожнее подбирать слова.

Мы пожали друг другу руки. Он кивнул в сторону двери и жестом предложил пройти внутрь.

По коридору он шёл впереди, не оборачиваясь и ничего не объясняя. Вопросов он тоже не задавал. По его походке сразу было понятно, что это его территория. Он двигался чуть вразвалку, но шаг оставался уверенным и собранным, почти спортивным, без суеты и лишних движений. Ему было около пятидесяти. В тёмных волосах уже проступала седина. В манере держаться угадывался знакомый типаж девяностых – из тех, кто мог быть и силовиком, и паханом, потому что граница между этими ролями тогда часто стиралась.

Условно Тарас возглавлял местное предприятие. Это правда не следовало из документов, которые я видел ещё до приезда. В действительности его функции были куда шире, но об этом никто показательно не говорил. Моисеевич обозначил мне роли заранее. Я отвечал за цифры, схемы и логику процессов, за всё, что требовало расчёта и аккуратности. Тарас занимался остальным.

Он остановился у двери в конце коридора и открыл её.

– Твой кабинет.

Помещение было просторным. Большой стол, сейф у стены, плотные шторы на окнах. Кабинет выглядел рабочим, а не представительским.

Следом вошла секретарша.

Она остановилась у двери, внимательно посмотрела на меня и не отвела взгляда сразу. Оценивающе, без напряжения и кокетства. Потом сделала шаг вперёд и протянула руку.

– Лена, – сказала она. – Добро пожаловать.

– Томас, – ответил я.

Она задержала мою руку на секунду дольше обычного. Я невольно скользнул по ней взглядом. Лена была привлекательна той спокойной, очевидной красотой, которая не требует подтверждений. Молодая, ухоженная, с мягкими чертами лица и уверенной осанкой, она держалась так, словно прекрасно знала, какое впечатление производит. В её взгляде был вызов, но при этом чувствовалась открытая, почти лениво поданная сексуальность, которую она подчёркивала и не скрывала.

Она улыбнулась.

– Надеюсь, вам здесь понравится.

– Это зависит от работы, – сказал я.

Тарас наблюдал за нами молча, потом кивнул.

– Ладно, – буркнул он, как будто разговор исчерпал себя.

Лена чуть наклонила голову и отпустила мою руку. Улыбка на её лице задержалась ещё на мгновение, затем стала ровнее и строже. Она развернулась без спешки, прошла к двери и, уже выходя, бросила на меня быстрый взгляд через плечо.

Когда Лена вышла и мы остались вдвоём, Тарас сел напротив, положил руки на стол и некоторое время смотрел на меня молча и оценивающе.

Я не отвёл глаз и не стал заполнять возникшую паузу разговором. Хладнокровно выдержав его долгий, внимательный взгляд и затянувшееся молчание, я заметил, как в нём что-то изменилось. Он первым отвёл глаза, откинулся на спинку кресла и заговорил уже другим, заметно более мягким тоном.

– Выпьешь? У меня есть отличный коньяк.

– Конечно, – ответил я.

Он налил Hennessy в два стакана, поставил один передо мной, второй взял себе. Мы чокнулись без слов. После первого глотка напряжение заметно ослабло. Тон разговора упростился: без дружеской близости, но и без прежней настороженности.

Тарас посмотрел на меня поверх стакана.

– Лена у нас недавно, – сказал он отстранённо. – Девочка умная, иногда даже слишком, – процедил он недовольно. – Кому и о чём она докладывает, я толком не знаю, но прислали её к нам «Московские».

Я почувствовал, что он сказал больше, чем был обязан говорить при первой встрече, и сделал это сознательно.

Это не было доверием в полном смысле слова, но прежней настороженности больше не чувствовалось. Тарас откинулся в кресле свободнее, поставил стакан рядом и заговорил проще, без прежней сдержанности, словно перестал следить за каждым словом. Речь стала менее аккуратной и более прямой, скорее привычной для разговора между своими, когда нет нужды держать дистанцию.

– Если что-то непонятно, спрашивай сразу. Если что-то не нравится, говори. Я не люблю, когда начинают крутить за спиной.

Он снова посмотрел на меня – уже без оценки, скорее с интересом, как смотрят на человека, с которым предстоит провести много времени и решить не одну задачу. Я кивнул. Он удовлетворённо хмыкнул, сделал ещё один глоток и впервые за всё время усмехнулся без напряжения.

– Тогда договорились, – сказал он. – Работы будет достаточно.

Он начал говорить о делах, не вдаваясь в детали, но давая понять, что теперь считает меня частью процесса. Атмосфера в кабинете окончательно разрядилась. Это ещё не было партнёрством и тем более дружбой, но дальше разговор шёл уже между людьми, между которыми установилось рабочее понимание.

Тарас объяснял не торопясь, как человек, для которого всё это давно разложено по полкам.

– Россия с Европой сейчас в конфликте. Санкции с обеих сторон, заявления, показная жёсткость. Официально они друг другу враги.

Он сделал короткую паузу, словно проверяя, нужно ли объяснять дальше.

– Но при этом Европа никуда не делась от своей зависимости. Топливо им нужно постоянно. Промышленность, транспорт, энергетика. Без этого у них всё встанет.

Он пожал плечами.

– Поэтому нефть всё равно покупают. Не напрямую, разумеется. Через Индию, через посредников, через схемы. Все об этом знают. Официально делают вид, что ничего не происходит. Неофициально всё работает.

Он продолжил тем же ровным тоном:

– Китайцы в этом плане проще. Им всё равно, кто с кем ругается. Есть ресурс – берут. Дальше перерабатывают и продают. Им важно, чтобы поток не останавливался.

Тарас поднялся, подошёл к карте и указал на участок рядом с Индией и островом.

– А здесь узкое место. Основные маршруты идут мимо Шри-Ланки. Это география. Кто контролирует этот участок, тот может влиять на движение грузов.

Он вернулся к столу.

– Американцы это понимают. Им выгодно, чтобы Европа зависела от них и брала только их нефть. Любые альтернативные схемы им невыгодны. Отсюда и давление.

На этом он остановился, очертив общий контур, и не стал вдаваться в детали или формулировать конкретные задачи.

– Этого на сегодня достаточно, – сказал он после короткой паузы. – Остальное пойдёт по ходу дела. Разберёшься быстро.

Он говорил уже как человек, который не ставит себя выше собеседника и не считает нужным подчёркивать иерархию.

– Осмотрись, привыкни. Завтра продолжим.

После этого он встал, и мы прошли по офису. Он показал несколько кабинетов, коротко представил людей и не задерживался надолго.

Внизу нас ждала служебная машина. По дороге в гостиницу я смотрел в окно, стараясь упорядочить мысли. День получился содержательным. Было ясно, что работа здесь устроена иначе привычного и что в ближайшее время мне скучно не будет.

Глава 5. Шампанское, любовь и дипломатия

Утром я плотно позавтракал и к девяти был в офисе. День начинался без спешки, но с тем особым ощущением, которое возникает, когда понимаешь, что судьба готовит что-то, к чему нельзя подготовиться заранее.

Тарас ждал меня у себя. Он выглядел собранным и деловым, словно с самого утра уже успел провести несколько деловых переговоров.

– Сегодня приём в консульстве, – сказал он без вступлений. – Подготовься. Здесь не провинциальный дом культуры, а серьёзное государство. На Цейлоне двадцать миллионов человек, и Российское консульство – не лавочка, а лицо державы. Всё должно быть чинно. Костюм, галстук, нормальные ботинки.

Я кивнул. Возражать или уточнять не имело смысла.

Тарас щёлкнул пальцами, и рядом тут же появился худощавый парень лет двадцати с насмешливым взглядом и слишком уверенной для своего возраста манерой держаться.

– Он тебя отвезёт в бутики, вот кредитка, – пояснил Тарас. – Купишь всё, что нужно.

Через пару часов я вернулся уже в другом виде. Свежий костюм, белая рубашка, галстук. Всё сидело аккуратно и без излишеств.

Сам Тарас, обычно предпочитавший более свободный стиль, уже успел где-то переодеться и был в этот раз в строгом костюме. В таком виде он легко сошёл бы за чиновника среднего ранга, если бы не взгляд, в котором не было ни капли официальной тени.

Он окинул меня быстрым взглядом и усмехнулся.

– Теперь, брат, выглядишь солидно, – сказал он.

Приём в консульстве был устроен по случаю подписания меморандума о строительстве российско-шри-ланкийской атомной электростанции и модернизации порта. Процедура – праздник сотрудничества. Фактически – площадка, на которой каждая держава пыталась просчитать собственную выгоду.

В зале звучала музыка, официанты разносили шампанское и закуски, за длинным столом под флагами произносили тосты. Всё выглядело торжественно и безупречно, но под блеском сервировки чувствовалась настоящая интрига.

На приём мы вошли вместе с Тарасом. Он держался рядом, как человек, которому здесь всё знакомо и который чувствует себя на своём месте. Он быстро окинул взглядом зал, отмечая лица и группы, и почти сразу стало понятно, что задерживаться со мной надолго он не собирается.

Через несколько минут он заметил в толпе знакомого. Тот выделялся даже среди гостей приёма: наголо выбритая голова, массивные золотые перстни, уверенная, почти наглая манера держаться. Типаж был слишком узнаваемым, чтобы его не заметить. Тарас коротко усмехнулся, наклонился ко мне и негромко сказал, что ему нужно перекинуться парой слов.

Он подозвал девушку из протокольной службы, что-то быстро ей объяснил и, уже отходя, бросил:

– Сейчас тебя подхватят.

Сказано это было без извинений и без пояснений, так, как говорят люди, привыкшие не объяснять очевидное.

Практически сразу после этого меня представили лично российскому послу. Высокий, сухощавый человек с внимательным взглядом пожал руку и задержал её чуть демонстративно. Слов было немного, но их хватило, чтобы понять: он знает, кто я такой и зачем нахожусь здесь.

Затем посол передал меня человеку по имени Николай Аркадьевич, который охотно взялся курировать меня в этот вечер как новичка. Невысокий, худощавый, с лоснящейся лыси-

ной и прищуром хитреца. Рукопожатие мягкое, улыбка приторная. Скользкий тип – это чувствовалось сразу.

Он вкрадчиво начал рассказывать о гостях: кто из местных политиков ищет поддержку, кто из бизнесменов крутит серые схемы, кто слишком тесно связан с иностранцами. Я слушал и понимал, что передо мной ходячий справочник интриг, при этом человек умный и, без сомнений, опасный.

Спустя некоторое время он деликатно подвёл меня к двум фигурам.

Первым был мистер Джонатан Хейз. Американец, высокий, подтянутый, с твёрдым рукопожатием и вежливым холодом в голосе.

– Рад знакомству, господин Бергер, – сказал он.

Фраза прозвучала дежурно и не предполагала продолжения. В его поведении ощущалась уверенность, сопровождаемая тщательно выдержанной дистанцией.

Вторым оказался господин Гоцян Лия, советник китайского посольства. Он появился рядом незаметно, как будто случайно. Невысокий, с мягкой улыбкой и скупыми движениями.

– Рад знакомству, – произнёс он тихо и слегка склонил голову.

Всё происходило как будто подобные встречи были частью давно отработанного ритуала. Мы расположились у высокого столика у окна. Бокалы с шампанским уже стояли на подносе рядом, но к ним пока никто не притрагивался. Несколько секунд разговор держался на дежурных фразах о приёме, погоде и протоколе. Всё это звучало вежливо и совершенно бессодержательно.

Первым заговорил Хейз. Он сделал глоток, поставил бокал и посмотрел на Николая Аркадьевича, словно проверяя, уместен ли такой разговор в данный момент.

– Если позволите, – сказал Хейз гладко, – я хотел бы задать вопрос не в публицистическом, а в рабочем ключе.

Он говорил не волнуясь, без нажима, но сразу было понятно, что речь идёт не о светской беседе.

– Не считаете ли вы, что в сегодняшнем виде Россия всё больше опирается на персонализированную власть? Я имею в виду не оценки и ярлыки, а управленческую модель. Слабая сменяемость, высокая концентрация решений, ограниченное пространство для политической конкуренции.

Он сделал короткую паузу, давая понять, что это именно вопрос, а не заявление.

– В западной системе координат такую конструкцию обычно называют авторитарной. Я не настаиваю на терминах. Мне важно понять, как вы сами это видите.

Николай Аркадьевич выслушал его, не перебивая. Лишь после небольшой паузы ответил.

– С формальной точки зрения вы правы, – сказал он сдержанно. – Но если рассматривать реальность, ситуация выглядит иначе.

Он сделал глоток воды.

– Если бы на месте нынешнего руководства оказался слабый «рулевой», ориентированный исключительно на внешнее одобрение США или Европы, Россия была бы уже давно пространством чужих влияний.

Хейз слегка усмехнулся.

– Вы сейчас оправдываете любую концентрацию власти ссылкой на угрозы. Это старый аргумент.

– Не оправдываю, – ответил Николай Аркадьевич, – а объясняю логику. Это разные вещи.

Я вмешался, прежде чем разговор начал заостряться.

– Возможно, стоит уточнить, – сказал я, – вы говорите о безопасности как о приоритете, который отменяет демократические критерии.

Гоцян Лия до этого молчал. Он сидел чуть в стороне, слушал внимательно, не выражая ни согласия, ни несогласия. Когда он заговорил, его голос был ровным и тихим.

– В Китае мы говорим о допустимом уровне риска. Свобода, демократия – это категории для стабильных систем.

Хейз чуть подался вперёд.

– Новые страны Евросоюза ещё экономически нестабильны, но живут в демократии и не разрушаются.

– Потому что они встроены в более крупную конструкцию, – ответил Лия без паузы. – Их безопасность делегирована.

Николай Аркадьевич продолжил, не повышая голоса и не торопясь.

– У больших стран, таких как Россия, длинные государственные границы. Они проходят через исторически нестабильные территории. Такие границы требуют постоянного контроля и охраны, потому что любая уязвимость со временем превращается в угрозу.

Он сделал короткую паузу и добавил:

– Особенно в тех местах, где внешние цели начинают совпадать с внутренними слабостями соседнего государства.

Хейз внимательно слушал и только после этого вмешался.

– Вы имеете в виду Украину? – спросил он. – И в этой логике вы отказываете ей в праве самостоятельного политического выбора?

– Я отказываюсь считать её выбор автономным, – сказал Николай Аркадьевич. – Когда у границ появляется военная инфраструктура блока НАТО, который исторически нами воспринимается как враждебный, реакция будет одинаковой, как и у любой страны с армией и стратегическим оружием. Это инстинкт выживания.

Хейз покачал головой.

– Тогда почему НАТО у границ России существовало и раньше? Прибалтика, Польша.

– Потому что имеет значение масштаб присутствия, – ответил Николай Аркадьевич, – и потому что в какой-то момент сумма факторов превысила допустимый уровень.

Я снова вмешался.

– Если отбросить лозунги, – сказал я, – складывается ощущение, что речь идёт не о ценностях в привычном смысле, не о свободе слова, правах человека или политических процедурах, а о контроле над пространством, инфраструктурой и возможностью принимать решения без внешнего давления.

– Всегда, – сказал Лия. – Вопрос лишь в том, кто и как это называет.

Он выдержал тишину.

– Демократия, диктатура, капитализм, социализм – это надстройки. Базис всегда один. Ресурсы, логистика, контроль.

Хейз усмехнулся уже без иронии.

– Вы говорите так, будто людям вообще не нужна свобода.

– Людям нужна предсказуемость, – ответил Лия. – Свобода возможна только внутри неё. Когда система рушится, свобода превращается в хаос.

– Это цинично, – сказал Хейз.

– Это прагматично, – ответил Николай Аркадьевич.

Разговор на несколько секунд повис. Никто не торопился продолжать, позиции были слишком разными.

В этот момент выяснилось, что всё это время держу бокал в руке, так и не сделав ни глотка. Шампанское давно выдохлось.

Хейз первым нарушил паузу. Теперь он говорил уже жёстче, без дипломатических оговорок.

– Проблема в подмене понятия – сказал он — Вы называете страх – стратегией, а отсутствие выбора – реализмом. Но в результате получаете одно и то же: государство, где сила важнее закона, а воля одного человека важнее институтов.

Он посмотрел на Николая Аркадьевича прямо.

– Вы говорите, что иначе Россию бы разорвали. Но фактически вы утверждаете, что страна не способна существовать без авторитарного управления. Это серьёзное заявление.

Николай Аркадьевич ответил не сразу.

– Нет, – сказал он наконец. – Я утверждаю другое. Россия не способна существовать в мире, который вы предлагаете, на условиях, которые вы называете универсальными.

Он чуть наклонился вперёд.

– Когда вы говорите о законе, вы подразумеваете свой закон. Когда говорите об институтах – свои институты. Но вы забываете одну деталь. Эти институты выросли под зонтиком силы, которую вы сейчас предпочитаете не замечать.

Хейз усмехнулся.

– Это классический аргумент. «Мы не такие, как вы, у нас особый путь».

– Нет, – перебил его Николай Аркадьевич. – Это аргумент о том, что мы не хотим становиться оккупированной территорией и зависеть от чужих решений, потому что никто не может дать гарантий, что завтра в Соединённых Штатах не придёт к власти президент, который выберет агрессивную внешнюю политику, пойдёт на прямую конфронтацию с Европой или с Россией и начнёт действовать через давление и провокации, а в этом случае возникает простой вопрос: кто вообще на земле способен остановить такую гигантскую военную силу и защитить мир от последствий, учитывая масштаб американского влияния и то, насколько сложно ей реально противостоять.

Гоцян Лия чуть заметно улыбнулся. Это была первая эмоция за весь разговор.

– Вы оба исходите из предположения, что у стран есть роскошь выбирать, – сказал он. – Де-факто выбор делают не страны. Выбор делает геополитическая ситуация.

Он посмотрел на Хейза.

– Вы говорите о демократии. Но ваши институты работают, потому что вы десятилетиями экспортировали нестабильность за пределы своей территории.

Хейз прищурился.

– Вы хотите сказать, что США сознательно поддерживают хаос?

– Я хочу сказать, – деликатно ответил Лия, – что стабильность всегда имеет цену. И кто-то всегда платит её вместо вас.

Николай Аркадьевич подхватил:

– Малые страны платят первыми. Им рассказывают о свободе выбора, но забывают предупредить о последствиях.

– Например, Грузия или Украина? – спросил я.

Где-то за нашими спинами раздался громкий звон: официант уронил поднос. Разговор за нашим столом не прервался.

– Именно, – ответил Николай Аркадьевич. – Этим странам предложили красивый нарратив. А потом оставили разбираться с реальностью самостоятельно.

Хейз резко отставил бокал.

– Вы лишаете эти государства субъектности. Вы говорите о них как о пешках.

– Я говорю не только о них как о государствах без стратегического веса, а о Евросоюзе в целом, – ответил Николай Аркадьевич. – Это неприятно слышать, но от этого не перестаёт быть правдой, потому что в нынешнем виде Европа остаётся разрозненной конструкцией без собственной военной силы и единой политической воли, состоящей из стран, каждая из которых преследует свои цели и внутренние приоритеты, и именно поэтому она не способна выступать как самостоятельный центр силы и противостоять ни России, ни Соединённым Штатам, ни другим крупным игрокам на этой планете.

Я заметил, как Лия внимательно следит за этим обменом.

– В Китае, – сказал он, – маленькая страна считается уязвимой не потому, что она слабая, а потому, что она верит словам сильных. Это самая опасная ошибка.

Он позволил повиснуть паузе.

– Демократия, авторитаризм – это инструменты. Вопрос не в том, какой инструмент красивее. Вопрос в том, выживает ли конструкция.

Хейз покачал головой.

– Вы оправдываете подавление, прикрываясь стабильностью.

– А вы оправдываете разрушение, прикрываясь свободой, – уверенно ответил Лия.

До меня дошло, что дальше разговор либо пойдёт ещё жёстче, либо будет остановлен намеренно.

Николай Аркадьевич первым откинулся на спинку кресла и посмотрел на часы, словно только сейчас вспомнил о времени.

– Мы не для того здесь собрались, чтобы переубеждать друг друга, – сказал он сдержанно.

Хейз чуть кивнул. В его лице не было раздражения, скорее усталость человека, который услышал ровно то, что ожидал услышать, и не нашёл в этом ничего нового. Гоцян Лия поднял бокал, сделал небольшой глоток и поставил его аккуратно обратно.

– У нас, – сказал он наконец, – такие разговоры считают полезными. Они позволяют понять не то, кто прав, а где заканчиваются возможности диалога.

Он посмотрел сначала на Хейза, затем на Николая Аркадьевича.

– А это иногда важнее любых договорённостей, – и хитро улыбнулся.

Я поймал себя на мысли, что за всё это время никто ни разу не повысил голос. И всё же ощущение было таким, будто в комнате только что проверили пределы допустимого и аккуратно зафиксировали, где именно проходит красная линия, за которую лучше не заходить.

В тот момент я ясно понял, что каждая из сторон обозначила свою границу и отступать не собирается, и именно тогда особенно остро осознал собственную дистанцию от этих линий противостояния, потому что не мог отождествить себя полностью ни с Европой в лице Германии, страны, в которой я родился, ни с Россией, с которой был связан культурно и профессионально, ни с Америкой, где у меня было много близких друзей и прогрессу которой я часто восхищался, ни с Китаем, с которым меня связывало плотное рабочее сотрудничество и регулярные поездки.

Это ощущение отчуждённости от национальных и идеологических лагерей неожиданно поставило меня морально выше самого конфликта, сделало скорее наблюдателем, человеком, находящимся вне привычных рамок принадлежности, почти как тем, кто смотрит на прошлое планеты и видит, как государства и системы власти из века в век рвут мир на части, заставляя людей проливать кровь ради абстрактных интересов, религий и стратегических конструкций, вместо того чтобы направить накопленную силу и энергию на благополучие и созидание.

И вместе с этим пришло трезвое понимание, что подобное единство для человеческого общества в принципе недостижимо, потому что каждая из сторон по-своему права в собственной логике выживания, и стопроцентный баланс между столь разными интересами невозможен, поскольку каждая держава неизбежно ищет выгоду прежде всего для себя, даже когда прикрывает это словами о ценностях и общем благе.

На этом наша дискуссия закончилась. Американец и китаец разошлись по залу и вскоре стали неотличимы от других участников приёма, растворившись в общем движении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.